

как основного трудящегося класса феодального общества, противостоящего классу феодалов.

Едва ли такими чертами будут настроения жалости к «селянину», призывы воздержаться от излишнего «насильства» по отношению к нему. Исследуя «крестьянскую тему в русской литературе XVI в.», В. П. Адрианова-Перетц справедливо отметила, что в борьбе «за крестьянский труд и землю», которую вели в этот период представители господствующего класса, они охотно выдвигали «новую тему — тему крестьянского труда».⁶⁵ Излишнее «насильство» крестьян осуждали многие публицисты XV—XVI вв., среди них был и уже упомянутый Ермолай-Еразм, и автор «Валаамской беседы», и Вассиан Патрикеев, и Максим Грек, и даже Иосиф Волоцкий. Но при всех своих разногласиях эти публицисты, по справедливому замечанию исследователя, сходились в одном — «в своей резко отрицательной оценке антифеодального движения во всех его формах, в своем твердом убеждении, что „селянин“ должен кормить своих владельцев».⁶⁶ Мы не можем считать любого идеолога, говорящего о тяжелом положении крестьян, крестьянским идеологом, иначе нам придется видеть идеологов крестьянства и в Иосифе Волоцком, и в Максиме Греке, и во всяком почти феодальном публицисте, затрагивающем «крестьянскую тему». При всей сложности идеологии средневекового крестьянства в ней, очевидно, должно быть главное — идеология эта должна быть в конечном счете несовместима с основами феодального строя и враждебна им.

Идея уничтожения феодальной эксплуатации была неосуществима в условиях XV—XVI вв., но из этого не следует, что эта идея не могла существовать в то время, хотя бы в утопической или абстрактно-богословской форме. Вопреки В. А. Келтуяе мы не считаем, что все художественное творчество Древней Руси — и письменное, и устное — отражало идеологию господствующего класса. Значительная часть памятников устного творчества, дошедших до нас, не только бытовала в крестьянской среде, но, по всей видимости, в этой среде и возникла (типичный образчик крестьянской идеологии — скоморошина «Вавило и скоморохи» о победе крестьянского «царя» Вавилы над ненавистным «инищим царством» царя Собаки).⁶⁷ Труднее было сохраниться памятникам антифеодальной идеологии в письменном виде, но о существовании таких произведений нам известно. Речь идет прежде всего о проповеди Феодосия Косого, единственного известного нам писателя Древней Руси, которого мы можем решительно связать с угнетенными классами древнерусского общества, в частности с крестьянством. Речь может идти и о других еретиках XV—XVI вв., об идеологии которых мы знаем меньше, но которые тоже, по-видимому, судили о том, «яже бог не повелел», и выражали недовольство тем, что в окружающем их мире одни «веселятся в богатстве», а другие «в нищете страждут». Объективно антифеодальный характер имели, как мы уже отмечали, выступления Пересветова против всякого «порабощения»; еще дальше шел в этом отношении дворянин-еретик Матвей Башкин.⁶⁸

«Материальный интерес и общественное положение» древнерусского крестьянства находились в непримиримом противоречии с усиливавшейся

⁶⁵ В. П. Адрианова-Перетц. Крестьянская тема в литературе XVI века, стр. 211.

⁶⁶ Там же, стр. 201.

⁶⁷ Ср.: Русское народное поэтическое творчество, т. 1. М.—Л., 1953, стр. 342—344; А. А. Зимин. Скоморохи в памятниках публицистики и народного творчества XVI века. — Сб. «Из истории русских литературных отношений XVIII—XX вв.». М.—Л., 1959, стр. 341—343.

⁶⁸ А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники, стр. 180—181 и 451.